

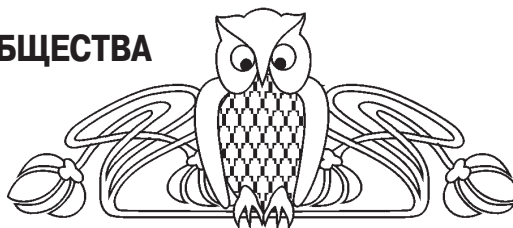

УДК 32.01

АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере африканских стран)

Г. М. Барашков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Eternity65@yandex.ru

В статье рассматриваются аналоговые формы гражданского общества в странах Юга на примере африканских стран. Анализируются становление и развитие гражданского общества в этом регионе мира, его специфика и характерные черты. Показано, что формирующиеся модели гражданского общества незападного ареала обладают собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран.

Ключевые слова: аналоговая модель, гражданское общество, демократия, демократизация, модернизация, традиционализм.

Analogous Forms of Civil Society (Exemplified by African Countries)

G. M. Barashkov

The author considers analogous forms of civil society in countries of the South exemplified by African states. Foundation, development, specifics, and peculiarities of civil society in this region of the world are analyzed. It is stated that burgeoning civil society models of non-Western areal have their own specific features, which are determined by special character of civilizational development of the countries.

Key words: analogous model, civil society, democracy, democratization, modernization, traditionalism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-208-215

При исследовании гражданского общества вряд ли можно исходить из существующей какой-то единой «нормативной» его модели, как это делают некоторые исследователи¹. Это можно объяснить тем, что в мире сложно найти страны с комплексом абсолютно идентичных культурно-исторических, экономических, политических и иных условий развития, которые бы укладывались в некое лекало. Есть определенный набор признаков «идеального» гражданского общества, в наибольшей мере существующий в экономически и демократически развитых государствах. Страны догоняющего развития, в том числе страны Юга, с разной степенью настойчивости пытаются освоить этот набор, который, накладываясь на местную специфику, порождает своеобразные формы гражданских отношений.

На первый взгляд, вопрос о наличии и функционировании гражданского общества в западном ареале исключает сколько-нибудь реальные мотивы для его постановки в исследовательском плане ввиду определенных условий развития и становления данных обществ, особенно учитывая

евро-американское происхождение и довольно рыхлое содержание самой концепции гражданского общества, разнообразие его моделей, характеристик гражданских организаций, сфер и направлений их деятельности, отношений с государством, рынком и т. д. Могут ли гражданские общества существовать вне западной цивилизации? Некоторые исследователи в этом сомневаются ввиду связи этого понятия с особой исторической траекторией западных обществ. Построение социальных отношений на общинной, этнической или религиозной основе, как и смешение государственной и частной сфер, вроде бы должно препятствовать развитию гражданских обществ в полном смысле слова. Вместе с тем, как показывает практика, и в странах Юга происходят интенсивные процессы гражданской самоорганизации, отрицать которые было бы неверно.

Возникновение гражданских организаций в странах Юга определялось рядом внутренних и внешних факторов. К первым относятся ослабление государств в отпадении их основных социальных функций, т. е. ситуация, в которой эти организации становились для населения некой альтернативой государству; рост так называемых промежуточных элит, способствующий подъему разного рода ассоциаций. Ко вторым факторам можно отнести окончание межблоковой «холодной войны», расширившее политическое пространство для организаций гражданского общества; увеличение международных неправительственных организаций, создававших свои отделения в развивающихся странах, а также увеличение международной помощи странам Юга в обход государственных структур.

Все эти процессы проявились в странах Юга, в частности африканских странах, особенно на рубеже 1980–1990 гг., в период демократической волны, и нашли отражение в смене авторитарных однопартийных режимов многопартийными на основе конкурентных выборов, усилении роли представительных органов власти, а также в общем ослаблении государства в социально-экономической сфере, во многом под влиянием и давлением либеральных идей извне.

Демократизация политических режимов, рост гражданской активности не обошли стороной и арабские страны. Многие гражданские организации здесь или предстают в роли партнеров

государства, или делают упор на вопросах защиты прав человека. Специфической чертой социально-политической ситуации в этом регионе является довольно сильное влияние религиозного (исламского) фактора, что нередко отражается на внутренней структуре и функциональности гражданских организаций. В Египте, Тунисе – странах так называемой арабской весны, исламские организации, например, относят себя к гражданскому обществу. Но «ислаимизированной» концепции гражданского общества, практически неизбежной в мусульманских странах, довольно активно, и небезуспешно, противопоставит его «светская», демократическая трактовка, и столкновение этих двух течений во многом характеризует идейную атмосферу общественной жизни в арабском мире.

В странах незападного ареала формируются модели гражданского общества, которые со временем приблизятся по некоторым параметрам к «западному образцу», но в то же время будут обладать собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран. Феномен цивилизационной специфики в русле глобальных процессов стал темой научных дискуссий и публикаций. Так, исследователь В. С. Степин считает, что категории «гражданское общество», «правовое государство», «права человека» принадлежат культуре одного типа цивилизации. Их нельзя применять к традиционалистскому обществу. Это связано с тем, что, по его мнению, личность в традиционалистском обществе определяется через семейно-корпоративные и производственно-корпоративные связи. Это личность только потому, что является частью корпорации, сословия, касты, общины. Степин выразил сомнение в том, что права человека могут быть «в традиционной культуре»².

Процессы становления гражданского общества в странах Юга, как и в других государствах и регионах мира, отмечены своими закономерностями и особенностями. Вместе с тем само понятие «гражданское общество» в известной мере достаточно аморфно. В разное историческое время оно имело различные, порой чуть ли не взаимоисключающие толкования. В связи с этим оптимальным направлением анализа феномена гражданского общества в странах Юга можно считать исследование процессов формирования определенного набора его признаков и проявлений их жизнедеятельности на современном этапе. Ввиду неравномерности развития различных социумов эти проявления имеют свою национальную, религиозную и иную специфику.

В наиболее общей форме существующая ныне концепция гражданского общества характеризует его как один из трех полюсов в структуре социума, который, отражая и защищая интересы граждан, оказывает давление на два других полюса – власть и рынок. Генезис такого

общества проходит через активность граждан, создающих при наличии определенных политических, экономических и социальных условий различные организации некоммерческого, неправительственного толка, стабильное функционирование которых обеспечивает демократизацию общества.

По мнению ряда исследователей, генезис структур, на основе и в рамках которых в странах Юга стало формироваться гражданское общество, имел место еще в период колониальной зависимости. Так, например, исследователь Х. Роннинг считает, что гражданское общество создавалось колониальным государством для белых жителей колоний. Особенно типичной такая ситуация была в Алжире, Кении, Зимбабве. Своеобразным отклонением от «нормы» автор считает креольские общества в Западной Африке, которые уже в XIX в. создавали очаги национально-освободительного движения, направленного против и колониального государства, и колониального гражданского общества³. Таким образом, мы можем констатировать, что уже в XIX в. на колониально зависимых территориях стран Юга существовали структуры если не гражданского, то протогражданского общества, включающие, с одной стороны, лиц, связанных с колониальными режимами, с другой – участников национально-освободительных движений.

К факторам подготовки «почвы» для будущих элементов гражданского общества следует отнести и деятельность христианских миссионеров, созданные ими религиозные общины, ставшие своеобразными прототипами будущих гражданских организаций в постколониальной действительности. В итоге создавался пласт социума, подготовленного к восприятию и усвоению норм гражданственности в современном понимании.

В этой связи можно сослаться на некоторые исследования, в которых утверждается, что признаки становления гражданского общества отмечались во многих частях континента еще до прихода колонизаторов. Например, в работе, посвященной деятельности ганских неправительственных организаций, констатируется, что «уже в доколониальный период гражданское общество в Гане являлось ключевым участником формирования политической ситуации в стране, равно как и оно само формировалось в соответствии с ее потребностями»⁴. Что касается периода независимого развития, то нынешней, выстроенной в основном по европейскому образцу, эвентуальной модели гражданского общества в Африке предшествовала реальная деятельность его местного варианта.

Существует мнение, что препятствием для становления гражданского общества в Африке являются два фактора. Во-первых, западное происхождение этого феномена. Во-вторых, существенное различие в характере формирования

общественных организаций, которые на Западе образуются на добровольной основе, а в Африке – по аскриптивному принципу, т. е. строго в соответствии с социальными характеристиками каждого вступающего в организацию (пол, этническая принадлежность, имущественное положение и т. д.). Между тем в незападных странах, включая страны Юга, гражданское общество пробивает себе дорогу, привнося в свое содержание элементы, определяемые цивилизационной природой населения того или иного региона. Вполне успешное гражданское общество существует в целом ряде регионов мира, отличающихся от западных по своим цивилизационным моделям (Япония, Южная Корея, Индия, ЮАР и др.).

Что же представляет собой современное традиционное общество стран Юга, в частности Африки, возможно ли в данных обществах найти какие-либо черты или ростки гражданственности? Безусловно, оно принципиально отличается от западноевропейского. Так, по мнению А. М. Васильева, для него характерны следующие черты. Во-первых, все социумы данного ареала являются не системой индивидов, а системой общин, социальных организмов, имеющих местные корни, хотя и трансформированные. Во-вторых, негосударственные и политические организации существуют в рамках иерархических структур, с малым числом ограничителей и противовесов или вообще без них. В-третьих, очень слаба или вовсе отсутствует вертикальная социальная мобильность. В-четвертых, сохранение половозрастных союзов исключает быстрое продвижение во властные структуры активных и потенциально способных представителей молодого поколения. В-пятых, сохраняющаяся патронатно-клиентельная система подразумевает преданность группы лидеру, патрону. Поведенческий стереотип в рамках таких отношений распространяется на управляющих и управляемых, на создание целых политических кланов⁵.

Стоит согласиться с позицией А. М. Васильева, что реальное африканское общество носит плюралистический, а точнее, многомерный характер, что проявляется не только в одновременном существовании различных социальных групп, слоев, организаций, укладов, относящихся к разным эпохам развития человечества и разным цивилизациям. Жизнеспособными окажутся те демократии, которые смогут соединить универсальные демократические ценности с историческими, культурными и социально-политическими традициями конкретной страны⁶.

Весьма интересную характеристику современному африканскому обществу дает Ю. Н. Винокуров. По его мнению, африканское общество представляет собой ярчайший пример переходного общества. Формационная стадильность эволюции до неузнаваемости изменилась под воздействием его цивилизационной специфики, закоснелое общинное бытие уживается с частно-

предпринимательским практицизмом, религиозно-мифологическое мировоззрение – с научным осмыслением законов общественного развития, интравертные приоритеты – с вестернизацией, восприятие человека как несамостоятельной частицы сложного мира – с осознанием судьбоносности личных качеств и целеустремленной деятельности индивида. Богатство меньшинства соседствует в нем с нищетой подавляющего большинства населения, вынужденного вести борьбу за свое физическое существование⁷.

Исследователь Н. Б. Кочакова отмечает следующие направления эволюции традиционных обществ. Прежде всего, это движение от потребительского натурального хозяйства к товарному, от коллективных форм собственности к частной, эволюция общины от первобытного коллективизма к индивидуализму. Значительны изменения в распределении земли, в типах труда, в методах выбора рабочей силы. Происходят ослабление внутриобщинных связей, обособление, усиление экономической и социальной самостоятельности малых семей за счет больших; нарушение половозрастного разделения труда; обозначились рост социальной мобильности, социальное расслоение традиционного общества на основе новых критериев, таких как богатство, образование, овладение нетрадиционными профессиями, причастности к колониальной и постколониальной государственной службе. Наблюдаются эрозия и деградация традиционных культурных ценностей и общественной морали, утеря традиционных приоритетов⁸.

Политико-правовой аспект постколониальной системы власти заключался в принятии конституции, создания административных и правовых институтов. Конституционно-правовая модель воспроизводила ряд существенных элементов механизма власти в бывших метрополиях, а также США и СССР. Это была попытка перенести на африканскую почву западные политические институты, которые не соответствовали ни социально-экономическим, ни политическим условиям, ни особенностям политической культуры.

В формальную систему власти входит фактический механизм политического управления, представленный правящей элитой, главным признаком которой является отношение не к собственности и средствам производства, а к власти. Арсенал руководства включает персональные связи, политическую коррупцию, систему коммуникаций «патрон – клиент», а также этнорелигиозные отношения. При этом важно отметить экономический ресурс реальной власти. Частная собственность сравнивается с политической властью в лице бюрократии. В результате происходит разбухание государственного аппарата, преобладающим типом институционализации власти становится авторитарно-бюрократический, основанный на доминирующем положении в си-

стеме государства институтов исполнительной власти и отождествлении ее с личной властью руководителей. Чиновники выполняют роль звеньев во взаимодействии патронов и их клиентов. Сформировались неопатримониальные отношения, которые проявляются, во-первых, в персонализации лидерства, когда авторитет личности не только зависит от занимаемой должности, но и освящен традицией, принадлежностью к определенной группе, этносу, конфессии, во-вторых, в симбиозе традиционных отношений и современных элементов конституционализма, норм и различных идеологических ориентаций, в-третьих, в личной лояльности к лидеру со стороны его ближайших соратников и подчиненных.

Характеризуя практику неопатримониализма, американские исследователи М. Братен и В. Ванге отмечают, что «коренная черта политической жизни... личные отношения, которые образуют фундамент и надстройку политических институтов. Взаимодействие между «влиятельным человеком» и его многочисленной клиентелой определяет африканскую политическую жизнь сверху донизу, от президентского двора до самой глухой деревни»⁹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в странах Юга механизмы власти характеризуются сочетанием старого и нового, привнесением в систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридность, эклектичностью, что приводит ее к неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия традиций гражданственности, экономической слабости и зависимости¹⁰.

Каковы же социальные силы, которые заинтересованы в политической и социально-экономической модернизации, в формировании гражданского общества? Активной силой и социальной базой становления демократических институтов являются средние слои населения. Однако проблема заключается в том, что эти слои далеки от общественной интеграции и не имеют своих организаций. Их потенциальное влияние на социально-политические процессы фактически нейтрализуются рамками неопатримониальных отношений. В этих условиях важнейшим фактором модернизационных преобразований может стать интеллигенция, та часть среднего класса, которая не владеет средствами производства, но обладает знаниями и квалификацией, необходимыми для организации экономической и духовной жизни современного общества.

С такой позицией солидарна И. Т. Катагощина, считающая, что главенствующая роль в развитии гражданского общества в странах Юга принадлежит именно интеллигенции. Объяснение этому она видит в том, что многие представители интеллигенции стимулируют интеграцию

общества в рамках национального государства через сферу просвещения, науки, культуры, информации¹¹. В то же время внедряемые при непосредственном участии интеллигенции демократические институты западного образца подвергаются существенным модификациям под влиянием традиционных форм самоорганизации африканского общества. Цивилизационное несходство привнесенных форм западного демократизма и сущностной специфики африканских общественных отношений приводит к искажению и вытеснению демократического содержания западных институтов и замене его неотрадиционным содержанием, основанным на общинной и этнической солидарности. Влияет на становление гражданских институтов и конкуренция отдельных этнических групп за доступ к национальным богатствам и к власти, а также стремление правящей верхушки к установлению контроля государства над обществом. Вместе с тем общинные и этнические связи интеллигенции могут становиться сильнее общегосударственных интересов и интересов общества как целостного социального организма.

Анализируя становление гражданского общества в странах незападного ареала, некоторые исследователи подчеркивают, что «новая социальная организация зарождается в незападном мире не в порядке естественно-исторического или «органического» развития, но принорасится извне и накладывается на традиционные формы организации социумов (сословия, касты, общины, племена, империи). Отсюда – гибридные и симбиозные формы социальности... асимметрия взаимосвязи «государство – гражданское общество»: становление первого и обгоняет становление второго и нередко обуславливает его рождение»¹². Такое положение со всей очевидностью проявляется в Африке.

Похожей точки зрения придерживается А. М. Васильев. По его мнению, в Африке еще нигде нет современного гражданского общества, но есть его отдельные элементы, или органические, имплантированные, или имитирующие чужие образцы; подключение социумов, входящих в другие цивилизации, к современному гражданскому обществу может происходить или путем синтеза – и тогда результатом будет новое качество общества, или путем симбиоза в рамках одного социума, и тогда общественное равновесие окажется неустойчивым¹³. Именно благодаря такому синтезу гражданское общество приобретает определенную специфику, некие оттенки, становится неким аналогом классического понятия гражданского общества, функционирующего в западных странах.

Существует и другая точка зрения. По мнению В. Г. Солодовникова, «ключевой проблемой перехода африканских стран к гражданскому обществу является ликвидация экономической отсталости», и пока не будет решена эта про-

блема, «беспредметно строить планы и говорить о демократических преобразованиях, о переходе африканских стран к гражданскому обществу»¹⁴. Конечно, экономический фактор играет не последнюю роль в становлении и нормальном функционировании гражданского общества. Но насколько правильным здесь будет противопоставление экономических трудностей, с которыми сталкиваются переходные общества, да и развитые тоже (например, затяжной кризис в Европе), политическим преобразованиям в рамках развития демократических процедур?

Состояние гражданского общества и его функциональность детерминированы цивилизационными ценностями, историческими особенностями и традициями, политической культурой населения и элиты. В африканских странах в годы независимости объем власти государства и его институтов расширялся без соответствующего развития его социальной базы. Сверхцентрализация государственной власти сдерживала гражданскую активизацию населения. Ситуация существенно изменилась на рубеже 1980–1990-х гг., когда возмущенные экономическими трудностями, политические осложнения и давление стран-доноров вынудили властвующие элиты пойти на демократические преобразования. И хотя в большинстве стран эта «демократическая волна» не устранила прежние правящие группы, она вывела на политическую сцену новые социальные силы в качестве полноправных участников политических событий, которые расширяют сферу деятельности общества, оказывают скрытое влияние на происходящие политические и экономические преобразования.

Тем не менее роль государства в процессе политической и социальной модернизации продолжает оставаться главенствующей. Как отмечает Л. В. Гевелинг, страны континента «начинают претендовать на реальные плоды модернизации». В их числе он отмечает национальную консолидацию, утверждение рациональных начал в политической культуре и сознании, расширение практики политического участия, совершенствование избирательного процесса и политических технологий и т. д. Но «модернизация властных структур характеризуется незавершенностью и противоречивостью, носит очаговый и элитарный характер, ее реальные процессы отстают от декларируемых намерений»¹⁵.

И все же политическая модернизация, способствующая укреплению демократических институтов, создает определенные условия для развития гражданского общества. Здесь важное значение имеют соответствующее законодательство и конституционные права. В новых конституциях стран Африки прописаны демократические процедуры и гражданские свободы. Вместе с тем процесс политических изменений во многих случаях не затронул старых государственных структур, которые приспособляются к новой

ситуации. Во многих странах старые авторитарные силы используют ухудшение социально-экономического положения для укрепления своей власти, убеждая население, что демократия раскалывает общество, создает проблемы развития.

В то же время по отношению к некоторым африканским странам можно говорить о появлении некоторых элементов и принципов гражданского общества. Его формирование происходит во взаимодействии с государством через возникшие современные институты демократии – принцип разделения властей, развитие парламентаризма, многопартийность, различные формы общественной активности населения, политические и неправительственные организации и движения, негосударственные средства массовой информации. Это не означает, что западные образцы демократии и гражданского общества полностью копируются. В странах Юга ростки гражданского общества находятся под влиянием традиционных, этнорелигиозных отношений, представляющих его корневую систему, первооснову.

В ряде африканских стран возникают формальные и неформальные организации, включающие общественные движения, которые занимают негосударственную сферу публичного пространства, артикулируют и продвигают интересы различных групп в обществе, гармонизируют отношения и гасят конфликтные ситуации. Эти организации защищают индивидуальные и коллективные права, гражданскую независимость от вторжения государства и других влиятельных сил, включая иностранные, осуществляют посреднические функции между государством и большинством общества.

Несмотря на то, что демократические процессы в странах Африки в той или иной мере развиваются, в складывающейся политической атмосфере общественные неправительственные организации не получают необходимой поддержки со стороны государства. Оно либо стремится их контролировать, либо препятствует их деятельности. Проблемы прав человека для правящих и партийных элит, да и большинства населения африканских стран не относятся к числу приоритетных. Вся постколониальная история Африки свидетельствует о пассивном, враждебном отношении правящих элит к формированию гражданского общества, особенно к деятельности правозащитных организаций, финансируемых из-за рубежа. В результате инициативу создания правозащитных и других неправительственных организаций, а также их ресурсное обеспечение взяли на себя иностранные организации, которые не всегда преследуют декларируемые ими гуманитарные цели. Однако они упорно подталкивают африканцев и их правительства к созданию гражданского общества западного образца. На наш взгляд, это рецидив застарелого европоцентризма, адепты которо-

го, как и прежде, полагают, что, согласно теории догоняющего развития, страны Юга, чтобы приблизиться к цивилизованному миру, должны модернизироваться только по предлагаемым извне рецептам и схемам. Об удаленности подобных концепций от действительных реалий в сфере развития демократического процесса говорит незначительный процент общественных организаций, которые А. М. Васильев относит к числу «органических», и преобладание тех, которые он называет «имплантированными или имитирующими чужие образцы»¹⁶. Вряд ли подобные образования способны интегрировать в общественно-политическую жизнь африканских государств широкие слои населения, которые на сегодняшний день отгорожены от нее замкнутостью общинного бытия.

У действующих в настоящее время местных (собственно африканских) общественных организаций отсутствует необходимое системообразующее начало. В обществе не сложилось понимания важности совместной деятельности всей совокупности неправительственных организаций, ориентированных на отстаивание прав и интересов каждого из его членов. Зафиксированное в государственном законодательстве ряда стран положительное отношение к развитию правозащитных и неправительственных организаций, как правило, не подкрепляется практической деятельностью правящих элит. Непреодоленность этих препятствий значительно осложняет возможности формирования и функционирования гражданского общества.

Перспективы гражданского общества часто увязывают со считающимся неизбежным синтезом культур. На практике подобный синтез предполагал бы, скорее всего, распространение чуждой африканцам политической культуры, центральной фигурой которой является свободный, независимый от государства и общества индивид с его частными интересами и личными предпочтениями. В силу особенностей социального уклада, определяющего на сегодняшний день быт и зачастую само выживание значительных масс населения, их отношения к политике и вовлечение в политику строятся на другой, отличной основе, а именно коллективизме политического поведения. Эти различия предопределяют разные подходы к строительству гражданского общества и пониманию его задач.

Обращает на себя внимание то, что нередко сами африканцы называют гражданским обществом местные традиционные структуры или считают их эквивалентом. В качестве конструктивной деятельности, способствующей демократизации, некоторые африканские исследователи рассматривают проведение политики децентрализации власти и передачи большего, чем теперь, объема административных функций на места, т. е. создание системы широкого местного самоуправления. Предполагается, что это позволило

бы избежать нередко возникающего конфликта между центром и периферией, а местным административным структурам – более успешно решать свои локальные проблемы. В таких условиях развитие местного самоуправления могло бы стать базой строительства демократии «снизу» и формой гражданского участия.

Анализ африканского общества позволяет сделать вывод, что во многих странах континента существует как бы два мира, в которых сложились не готовые к взаимодействию социальные структуры, что приводит к открытому и скрытому столкновению интересов, различной вовлеченности граждан в политическую жизнь общества. Возникновение этих разделительных линий является результатом специфики социально-экономического развития африканских стран при колониализме и в постколониальное время. Их преодолению наряду с другими факторами препятствуют особенности политической культуры. В традиционной политической культуре спланированное начало действует в рамках клана, племени или этнической общности, что в условиях межплеменной и межэтнической напряженности мешает возникновению более широкой, гражданской солидарности, предполагающей возможность создания предварительных условий для формирования гражданского общества. Элиты руководствуются политической культурой, которая позволяет им осуществлять свои особые индивидуально осознанные интересы, но, стремясь к власти и обогащению, многие из ее представителей прибегают к этнофаворитизму и ищут поддержку «своего» клана, т. е. подпитывают те традиции, которые также мешают росту гражданственности.

Исследователи отмечают, что важная черта политической культуры в странах Южной и Центральной Африки – это ее пронизанность традиционными представлениями о власти, обществе, лидерстве, которая объясняет распространенность специфических, иррациональных, с точки зрения западных политологов, политических мотиваций, присущих большинству участников политических процессов, происходящих на континенте. В отличие от стран Запада, где в политической культуре преобладает индивидуальный или индивидуально осознанный групповой интерес (политический, социальный, экономический), в африканских странах господствует общинная, клановая, племенная, этническая солидарность, базирующаяся на общих, традиционно закрепившихся обычаях и символах. Подобная социальная психология как бы отменяет потребность в выражении индивидуалистических интересов. В Африке, как и на Западе, люди, по-видимому, также осознают свой интерес, свою выгоду, но убеждены, что достичь ее можно только усилиями общности, к которой они принадлежат. Поэтому они в первую очередь заботятся о своем коллективе, через успехи которого привыкли и надеются удовлетворять

свои интересы¹⁷. По мнению И. В. Следзевского, неформальные образования определяют политическое поведение своих членов, позволяют осуществлять их политическую мобилизацию и, что существенно, путем установления личностных связей за рамками общины иметь развитую систему представительства. Все важные внутренние проблемы и конфликты решаются в этих традиционных образованиях без участия официальных властей, под руководством вождей, путем длительных обсуждений, до тех пор, пока стороны не достигнут всеобщего согласия¹⁸. Таким образом, функционирование и воспроизводство традиционных форм общежития можно рассматривать как замещение функции гражданского общества. Эта замечательная по своей теоретической целостности схема рассуждений не объясняет, однако, того, почему при наличии такой устойчивой традиции путь специфической, но все же достаточно эффективной политической самоорганизации (если критерием эффективности в политике считать устойчивость механизмов решения конкретных социальных проблем и проблем государственного управления) доминирующей тенденцией в политике является нерешаемость на протяжении десятилетий никаких проблем, включая элементарную безопасность граждан от насилия в ходе племенных конфликтов и обеспечение их продовольствием, прекращение деятельности военных группировок. Получается, что социально-политические системы предрасположены к нормальному, хоть и специфическому, функционированию в режиме организации нормальной гражданской жизни и государственного управления, у них исторически сложилось все, что для этого нужно, но практически к такой эффективной самоорганизации они никак не переходят.

Каковы же те социальные силы, которые заинтересованы в политической и социально-экономической модернизации, в формировании гражданского общества? Эта проблема имеет актуальный характер. Прежде всего, к таким силам можно отнести средние слои населения, к которым относятся значительная часть предпринимательской национальной буржуазии, в том числе сельские фермеры, служащие и лица свободных профессий, представители интеллигенции, офицеры, квалифицированные рабочие. Однако проблема заключается в том, что эти слои далеки от общественной интеграции и консолидации, как правило, не имеют своих объединений и организаций. Их влияние на социально-политические процессы нейтрализуется рамками неопатриархальных отношений. В этих условиях важнейшим фактором политической модернизации может стать интеллигенция, способствующая интеграции общества в рамках национального государства через сферу просвещения, науки, культуры, идеологии, информации. В то же время демократические институты западного образца сплошь и рядом подвергаются модификациям

под влиянием традиционных и неотрадиционных форм самоорганизации африканского общества. Цивилизационное несходство привнесенных форм западного демократизма и сущностной специфики африканских общественных отношений приводит к искажению демократического содержания западных институтов и замене его неотрадиционным содержанием, основанным на общинной и этнической солидарности. Вместе с тем общинные и этнические связи могут зачастую становиться сильнее общегосударственных интересов, консолидируя и цементируя общество как целостный социальный организм.

Примечания

- 1 См., например: Шлихтер А. А. «Третий сектор» (некоммерческий) и гражданское общество США // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 32–33.
- 2 См.: Степин В. С. Гражданское общество, правовое государство и право. («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вopr. философии. 2002. № 1. С. 23, 26.
- 3 См.: Ranning H. Democracy, Civil Society in Africa // J. of Democracy. Wash. : John Hopkins Univ. Press. 1996. Vol. 7, № 2. April. URL: <http://www.roape.org/cgi-bin/roape/show/8704.html> (дата обращения: 14.09.2013).
- 4 Ghana NGO Sector. URL: [http://www.ngohandbook.org/index.php?titl=Ghana NGO Sector](http://www.ngohandbook.org/index.php?titl=Ghana%20NGO%20Sector) (дата обращения: 14.09.2013).
- 5 См.: Васильев А. М. Африка – падчерица глобализации. М., 2003. С. 13.
- 6 Там же. С. 14.
- 7 См.: Винокуров Ю. И. Политическая борьба в Демократической Республике Конго (1965–2001 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 18–19.
- 8 См.: Африка : многовариантность развития / Н. И. Высоккая, Н. Д. Косухин, Н. В. Кочакова [и др.]. М., 1977. С. 32.
- 9 Цит. по: Африка : проблемы становления гражданского общества / отв. ред. Ю. В. Потемкин ; Ин-т Африки РАН. М., 2009. С. 29.
- 10 См.: Ирхин В. В., Слизовский Д. Е. Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995. С. 4, 14.
- 11 См.: Катагощина И. Т. Интеллектуальная элита в странах Тропической Африки : университеты, власть, общество. М., 1991. С. 43.
- 12 Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / отв. ред. В. Г. Хорос. М., 1998. С. 24–25.
- 13 См.: Васильев А. М. Африка – падчерица глобализации. С. 23.
- 14 Солодовников В. Г. К проблеме становления гражданского общества // Африка : проблема перехода к гражданскому обществу : материалы VI конф. африканистов (16–18 ноября 1994 г.) / отв. ред. А. М. Васильев. М., 1995. С. 151.
- 15 Гевелинг Л. В. К теории развития транзитных форм организации власти в странах Тропической Афри-

ки // *Нестабильность в Африке : уроки прошлого и современные процессы* : сб. / Ин-т Африки РАН. М., 2006. С. 164.

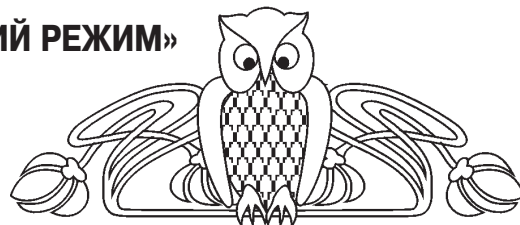
¹⁶ *Васильев А. М.* Гражданское общество в Африке : реалии и мифы // *Восток*. 1995. № 2. С. 16.

¹⁷ См.: *Африка : проблемы становления гражданского общества*. С. 106.

¹⁸ См.: *Следзевский И. В.* Современная Африка. Итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. М., 1990. С. 56.

УДК 328.36

КОНЦЕПТ «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ» КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Ш. М. Хаутиев

Ульяновский государственный университет
E-mail: sharp1974@yandex.ru

В статье исследуется объяснительный потенциал концепта «региональный политический режим» в контексте дискуссии о природе постсоветской российской трансформации. Автор доказывает, что термин «политический режим» уточняет и индивидуализирует ключевые признаки эволюции властных отношений в условиях неопределённости. В процессе исследования концепта «региональный политический режим» преодолеваются два основных заблуждения по поводу применимости данного понятия.

Ключевые слова: региональный политический режим, политическая переходность, политическая неопределённость.

The Concept of «Regional Political Regime» as a Theoretical Basis for Understanding of Post-soviet Russian Transition

Sh. M. Khautiev

In paper studies explanatory potential of the concept of «regional political regime» in the context of discussion about the nature of post-Soviet Russian transformation. The author argues that the term «political regime» is specifying and clarifying the key characteristics of evolution of political relations in uncertain. In article is getting over two main mistakes on the term «regional political regime».

Key words: regional political regime, political transition, political uncertainty.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-215-218

Актуальность данной статьи заключается в необходимости доказать продуктивность и эвристическую ценность использования концепта «региональный политический режим» для понимания природы постсоветской российской трансформации.

Анализ переходного общества предполагает в нашем случае применение теоретических положений, связанных не с реализацией демократического проекта, а с уточнением природы политического режима. Ожидания скорой и неизбежной победы демократии в посткоммунистической России (известные как «телеология переходного периода») породили целый ряд ме-

тодологических проблем и ложных ожиданий. Они были описаны в одной из новейших публикаций российского политолога Лилии Шевцовой, которая отметила, что «безоговорочная вера в то, что Россия при Ельцине встала на путь демократии, позднее помешали нам в полной мере осознать авторитарную эволюцию российской власти»¹. В качестве предварительного замечания необходимо отметить, что существует большое разнообразие подходов к оценке политического режима. Термин «политический режим» используется в различных контекстах – начиная от конституционных моделей и кончая формами правления². Однако эти критерии, изложенные в рамках государственно-правового подхода, являются скорее определятельными и трудно применимы для понимания процесса политического перехода, при котором правила игры могут быстро меняться. Мы рассматриваем политический режим как совокупность средств и методов, с помощью которых правящие элиты осуществляют экономическую, политическую, идеологическую власть в том или ином сообществе. Как нам представляется, данный подход индивидуализирует и уточняет основные признаки политического порядка. Таким образом, наш подход основан на анализе условий перехода, в котором главной категорией является неопределённость. В своё время известная британская исследовательница Мэри Маколи успешно использовала данный критерий для сравнительного анализа российских региональных режимов в 1990-е гг.³

Если говорить в целом, то основной теоретический аргумент, развитый благодаря осмыслению одной из последних работ американских учёных Дж. Хигли и М. Бартона, состоит в понимании политического режима как «образца, в рамках которого принимающая решения правящая власть организуется, осуществляется и передаётся»⁴. Данный подход позволяет вскрыть специфику политического режима через политических субъектов (акторов), которые играют системообразующую роль в создании, поддержании и воспроизводстве определённого поли-